

ная историческая поэзия на новом этапе развития не отказывается от веками сложившихся форм изображения истории, использует эти формы, но не слепо повторяет и варьирует их, а стремится их творчески переработать в связи с новым содержанием и в то же время ищет и новые формы. Сочетание творчески развиваемых традиций с яркими элементами нового в содержании и форме характеризует художественную природу песни о Евпатии.

Воинские описания в эпизоде „Повести“ даны в виде ряда сжатых поэтических формул и образов. Относятся ли все эти формулы к области народной поэтики? Есть ли у нас соответствующие материалы для сопоставлений? Кое-какие материалы имеются. Однако надо иметь в виду, что все они — поздних записей. Выражению „и начаша сечи силу татарскую“ соответствуют типичные былинные формулы: „а как начали ездить, рубить по силушке великой“, „начали они рубить татар да поганых“, „он начал по силушке поеживать“. Выражение „Еупатий сильна полкы татарьския проеждя, бьяше их нещадно“ находит аналогии в былинных формулах типа „да поехал ли по той по силушке татарскойей... стал он бить ту силушку великую“, „он тут по силушке поеживал да прибил, прирубил всю эту силушку великую“. Эти примеры сами по себе показательны. Но стилистические аналогии такого рода обнаруживаются и в самой „Повести“, в предшествующем эпизоде рассказе о приходе Батыя и о столкновении с ним рязанцев: „Многна сильныя полкы Батыевы проеждя, храбро и мужествоно бьяшеса“, „начаша битися крепко и мужествоно“, „видя... бояр своих и воеводе храбры и мужествоны ездяше“, Батый „веля бити, и сечи, и жещи без милости“, „а инех князей, нарочитых людей воиньских побил“. Эти примеры, наглядно свидетельствующие о близости воинской стилистики „Повести“ и былины, в то же время снимают предположение о полном сохранении автором в эпизоде песенных выражений. Он сохранил лишь некоторые стилистические детали песенного изображения битвы, переводя его в целом в привычный план книжной воинской стилистики. К таким деталям, быть может, относятся „сила татарская“, „на полы пресекоша“, „до седла краяше“. В воинской стилистике эпизода о Евпатии мы не находим многих характерных эпических формул, постоянно встречающихся в поздних записях былин и как будто просящихся в описание эпического подвига Евпатия: „силу конем топтать“, „силу бьет, будто траву косит“, „а как вперед махнет, дак делат улицей, да назад оборотитьце — переулками“, „он рубил силушку великую“ и др. В отличие от богатырей, действующих главным образом палицей, иногда копьем, — Евпатий бьет врага мечом, бросает свой притупившийся меч и действует отнятым у татарина.

Воинские описания эпизода о Евпатии содержат несколько характерных, явно народнопесенных образов-символов. Вот наиболее развернутый (в словах пленных Батыю): „Посланы... тебя сиана царя почтити и честна проводити, и честь тебе воздати. Да не подиви, царю, не успевати наливати чаш на великую силу-рать татарьскую“ (стр. 294). Образ этот вновь всплывает в дальнейшем в жалобе Батыя: „О Коловрате Еупатие! гораздо еси меня подщивал малою своею дружиною“ (стр. 295). Подробность, относящаяся к тому же образу, встречается еще до слов пленных, а именно во фразе: „татарове же сташа, яко пьяны“. Такая манера развития образа-символа — с повторением отдельных его элементов в разных местах повествования — не характерна для народной песни. В ней обычно образ-символ получает полную и завершенную разработку в одном месте, не раздробляется и не появляется в других